

А. В. РЫБЧАК

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

Санкт-Петербург

К генеалогии педагогического манипулирования

Работая около десяти лет в творческом и техническом вузах Петербурга, я, как и мои коллеги, постоянно сталкивался с резким отторжением учебного материала со стороны аудитории. Это давняя педагогическая проблема имеет, увы, большие традиции. В каждую эпоху данную трудность стремились преодолеть по-своему, в основном – дисциплинарно-репрессивными методами. Педагогическая наука в XX веке выработала к проблеме усвоения материала организационный и дидактический подход, но в основе их обоих лежит «гендерная» доктрина: преподаватель – независимо от пола – это мужчина, аудитория же – независимо от пола – это женщина; «мужчина» должен в конечном итоге коварно соблазнить «женщину» или грубо овладеть ею. Поэтому в средней и высшей школе встречаются педагоги, заискивающие перед аудиторией либо кричащие на неё.

В чём главная проблема трансляции знаний учащимся? Очевидно, что аудитория состоит из двух непримиримых сторон – преподавателя и публики, и консенсуса между ними быть не может. В этом смысле педагогическое противостояние находится в одном ряду с политическими, религиозными и национальными конфронтациями. Причина такого разрыва находится не только в возрастной, этической и гормональной разнице сторон: ведь случается (на вечерних или заочных отделениях вузов), что указанного различия практически нет, но проблема противостояния всё равно сохраняется, пусть и не так остро. Суть конфликта заключена в специфических гештальтах: педагогика это одна из тех областей, которая зиждется

на контрадикции «мы – они»: учитель расценивает учеников как рабочий материал, а ученики смотрят на учителя исключительно как на функцию. Я неоднократно сталкивался с крайними формами удивления своих подопечных, встречавших меня случайно где-то за пределами учебного заведения – на улице, в кино, в кафе, на экскурсии: мол, «как, он умеет смотреть кино? он может ходить по улице? он способен носить бейсболку?» – недоумевали мои студенты. Я, в свою очередь, удивлялся такой постановке вопросов, пока не понял, что независимо от того, что я говорю и делаю, я представляю для них нечто чужеродное, инопланетное. И здесь возникает необычайно важная детерминанта: поскольку преподаватель является для ученика чем-то потусторонним, то есть буквально находящимся по ту сторону условной «линии фронта», то и всё, что он говорит на занятиях, также имеет «инопланетное» происхождение (будь то сухой учебный материал, взывание к здравому смыслу или призыв к этическим ценностям). Такова рецепция студентом преподавателя. Именно поэтому чаще всего учебный процесс протекает в духе известного кинопроизведения Тима Бёртона «Марс атакует!»: всё, что говорится с кафедры, воспринимается аудиторией как марсианская агрессия независимо от степени увлекательности и доступности материала.

Как уже было сказано, многочисленные педагогические теории, школы и направления предлагают различные методы работы с этой дистанцией, но все они, скорее, призваны уменьшить психоэмоциональный ущерб преподавательского состава, чем предложить альтернативу его противостоянию с учащимися. Однако в истории прикладной педагогики всё же можно отыскать два примера аннигиляции оппозиции «реципиент – скриптор»: один из них можно условно обозначить как «эллинский», второй как «макаренковский». Данные стратегии антиномичны друг другу, поскольку в первой модели обучающий наделяет себя активной функцией, а во второй – пассивной. В основе «макаренковской» модели лежит из-

вестный биологический принцип конвергенции: «чтобы животное поверило тебе, нужно самому стать животным». Данный метод широко применяется в современной этнографии: когда исследователь в период экспедиции убирает дистанцию между собой и аборигенами, он вливается в полный жизненный цикл их обрядов, включая такие, как охота за головами и каннибализм, а взамен получает доверие. Эта стратегия оправдала себя в биологии, зоопсихологии, этнографии, некоторых направлениях кинологии и педагогики.

«Эллинская» модель интересна уже тем, что имеет чисто педагогическую направленность, она применялась на протяжении нескольких веков античной цивилизации. Обучающий занимает в ней активное место в самом буквальном смысле этого слова. Суть древнегреческой системы обучения состояла не в попытке перевода информации с взрослого языка на детский – ведь тем самым лишь усиливается противостояние лектора с аудиторией, ещё раз подчёркивается различие между ними, – а, прежде всего, в инициации ученика, которая не только носила большой суггестирующий смысл, но и имела значительную гормональную составляющую: взрослый бородатый мужчина физически наделял безусого мальчика мужественностью познания и восприятия. Поэтому в древнегреческой школе слово «пайда» («ребёнок») в обязательном порядке сочленялось не только со словом «гогос» («вести»), но и со словом «эрос» («любить»). Сократ и Платон, восхищавшиеся отечественной системой образования, приписывали именно ей воспитание поистине мужественного духа греков.

Сегодня, в эпоху эклектики, господство какой-либо одной дидактической модели немыслимо. Поэтому при достижении своих профессиональных целей педагог должен помнить о многообразии способов их достижения.